

Сапрыкина М.Ю. ИСКУССТВО ЖЕСТА – ОЖИВШАЯ ПОЭЗИЯ

До сих пор встречаются настоящие, большие актеры, которые искренне отрицают самостоятельность искусства жеста, считают это искусство служебным по отношению к слову, верят только в текст, то есть в письменность. Однако письменность – это язык отсутствующих, тогда как театр – язык присутствующих.

Нужно признать, что такая ситуация свойственна только западному театру, тогда как восточный театр сохранил древнее искусство жеста в неприкосновенности и благодаря сильной приверженности к традиции смог через сменяющиеся поколения актеров удержать ее великий смысл.

Сегодня интерес к пантомиме возрождается, но и сейчас признав ее привлекательность, пантомиму продолжают отделять от настоящей жизни театра. В глазах большинства пантомима остается искусством обособленным.

Искусство жеста восходит к самой высокой античности. Отголоски его существования слышны до наших дней.

Гомер, восхищенный его достоинствами и бесконечными возможностями, назвал это искусство несравненным.

Как только человек был сотворен, он почувствовал желание выразить себя в звуке своего голоса и в движениях своего тела.

Первобытный язык человека состоит из синтеза голоса и жеста. Человек шепчет, поет и танцует.

Это и есть то таинственное и магическое единство поэзии, песни и танца. Святая троица, которая по сути своей тоже одно целое.

Плутарх говорил: «Жест-это немая поэзия». И добавлял: «Поэзия-это говорящий танец».

В это время в искусстве жеста различают три вида. Первый – культовый: он состоит из энергичных упреждений, прыжков, быстрых движений, гримас. Второй : гимнастический, близкий к спортивным играм. И наконец, третий- оркестрический, непосредственно связанный с театральной игрой.

Со временем не различие в основе, а специализация и случай отделили способы выражения друг от друга.

Мим появился в связи со специализацией. Как считают, это произошло в предсократовский период. Мимы должны были существовать еще в Египте, за две тысячи лет до рождения Христа. Но тогда их искусство по-прежнему оставалось частью всеобщего театрального действия. Натренированные в искусстве телодвижений, они совмещали свою игру с декламацией и пением. Их руки и ноги повиновались всеобщему ритму.

Чтобы жест вдруг отделился от декламации, должен был произойти следующий случай.

В 514 году от основания Рима Ливий Андроник, грек по национальности, освобожденный Сенатом раб, создает драматическое действие, которое включает, следуя традиции, поэзию, музыку и игру актера. Он представляет его сам, и так успешно и многократно, что в результате срывает голос. Ливий добивается разрешения, чтобы его поэму пел молодой раб, поставленный перед музыкантом с флейтой, в то время как сам он будет делать телодвижения, соответствующие действию и словам. Нововведение приносит исключительный успех. С тех пор возникает обычай создавать каждый персонаж из двух актеров – один рассказывает, другой танцует.

Из этого случая рождается то, что непосредственно называется **пантомимой**.

Но само слово «пантомима» стали по-настоящему использовать только в век Августа. При императоре Августе положение мимов было необычным. Только император мог распоряжаться их судьбой. Они не подвергались суду магистрата. Некоторые были жрецами. Каждый из них был необычайно богат и занимал высокое положение в обществе. Например, пиры Клодия по роскоши превосходили пиры Клеопатры. Росций имел право вступать в соревнование с Цицероном. Игра состояла в следующем: Цицерон выступал с речью, а затем Росций жестами воспроизводил эту речь в малейших нюансах.

Тогда Цицерон вновь повторял свою речь, местами изменяя ее, и Росций должен был воспроизвести все эти изменения в новой пантомиме.

Пристрастие толпы к мимам было фанатичным, сегодня его можно сравнить разве что с истеричной реакцией на кинозвезд и звезд эстрады некоторых людей.

Трагический мим Пилад однажды сказал императору «Цезарь, в твоих интересах, чтобы народ забавлялся нашей игрой и поменьше знал, чем занимаешься ты».

Искусство пантомимы развивалось и жило очень долго. Добавим, что как только пантомима выделилась и установилась как отдельное искусство, в ней различали те же жанры, что и в драматическом театре: пантомиму-трагедию, пантомиму-комедию и пантомиму-сатиру.

Вскоре мимы отделяются от рассказывающих актеров и добиваются независимости. Их выступления заполняют антракты. Благодаря тому, что публика все больше увлекается их искусством, они создают свой собственный театр.

Жанр создан. Театр пантомимы занимается *точной имитацией разговоров и действий человека*. Среди мимов были и женщины. В играх, даваемых в честь богини Флоры, они появлялись обнаженными, в сладострастных позах и придавались непристойным движениям.

Увлеченность мимами распространялась повсюду. Их приглашали даже на похороны. Они одевали одежды, которых ходил при жизни усопший, закрывали лицо маской, которая его напоминала, и изобража-

ли его добрые и порочные дела в виде судебного процесса, заканчивающегося приговором над его жизнью.

Среди мимов различались те, кто работает в одиночестве «монопросоп» и те, кто работает ансамблем «полипросоп». Наука мимов в эту эпоху состоит в основном из: искусства рук, искусства ног, искусства прыжков. Их жесты-целый язык, их руки- уста, их пальцы говорят. Но вскоре распущенность мимов становится все более неудержимой, и толпа начинает их презирать. Император Тиберий их прогоняет, Калигула возвращает, Гелиогабал играет вместе с ними роль Венеры в «Суде Париса».

Понемногу искусство мимов покрывается мраком забвения, но в средние века мимы появляются вновь: их расцвет увидит комедия дель арте. Как они выражают себя сейчас?

Древние пласты пантомимы живы и сейчас. Они сохранились в танцевально- пантомимическом искусстве Востока, особенно в Индии, где от актера требуется полное отождествление с ролью, независимо от того, играет ли он обезьяну, слона, цветок лотоса или бога Кришну.

Но и там, где оборваны все связи пантомимы с ее наивно-антропоморфическими корнями, жестовая гипербола и метафора остаются естественной и обязательной формой пантомимического образа..

Пантомима становится серьезным искусством, художественным обобщением мира тогда, когда воплощенное ею переживание является квинтэссенцией и пробразом существенных человеческих ситуаций данной эпохи и общества.

В таинственном безмолвии жизнь окружающего мира завораживает. Чувства, которые рождаются под его воздействием, приводят нас в движение. И, наконец, начинает работать воображение, которое может быть движимо и радостью и страданием, но оно всегда остается истинным. От исхода схватки между нами и окружающим миром зависит, сможем ли мы выжить, сохранить себя или исчезнем. Мы либо бросаемся навстречу окружающему миру, либо вступаем с ним в схватку, либо бежим от него. Такой мне представляется основа истинного искусства жеста, к которому в наши дни почти утерян ключ, но оно начинает возрождаться.

Источники и литература

1. Генкин Д.М. Массовые праздники. – М., 1979. – 247 с.
2. Шароев А.П. История массовых праздников. – М., 1983. – 341 с.
3. Орлов Е.П. Праздники античного мира. – СПб.,1995. – 132 с.